

А. В. Сиренов

Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. — Leiden; Boston: Brill, 2006. — 417 с. ISBN 978-9-00415-101-7

Книга Мари Исоха посвящена образу Александра Невского в русской средневековой культуре. Фигура Александра Невского относится к числу наиболее ярких национальных символов России и именно таковым воспринимается за пределами нашей страны. Однако однозначно резкая антикатолическая и антизападная позиция Александра Невского, о которой можно судить по дошедшим источникам, и обращенность его политики на Восток, заставляют задуматься о роли и дискурсивном наполнении его образа как национального символа России в современном мире. Учитывая отмеченное обстоятельство, следует признать, что обращение к фигуре неевского героя сейчас весьма актуально. Не случайно волна интереса к данной теме идет из западного мира. Так, в 2006 г. увидела свет рецензируемая книга, а несколько раньше, в 2004 г., была издана монография Ф. Б. Шенка¹. Появилась настоятельная необходимость

¹ *Schenk F. B. Aleksandr Nevskij Heiliger—Furst—Nationalheld: Eine Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Gedachtnis (1263–2000). Koln; Weimar; Wien, 2004. [Русский перевод: Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Авториз. пер. с нем. Е. Земсковой и М. Лавринович. М., 2007].*

выяснить, какие идеи вкладывал русский народ на протяжении многих веков в формирующийся образ Александра Невского, какие составляющие можно выделить в этом образе. Итак, объектом исследования оказывается не столько личность древнерусского князя и его деяния, сколько представление о нем современников и особенно людей последующих эпох.

В соответствии с поставленной задачей книга М. Исоха разделена на три части. Первая часть посвящена формированию образа Александра Невского в первоначальной редакции его Жития, при этом рассматриваются отдельные аспекты восприятия современниками Александра Невского как защитника страны от внешних врагов, защитника интересов своего княжеского клана, поборника православия. Интересны соображения автора относительно уточнения датировки и авторства Жития. Правда, несмотря на дискуссии с предшественниками (Д. С. Лихачевым, Ю. К. Бегуновым), новых существенных аргументов не выдвинуто. Вторая часть книги — образ Невского в летописях (как ранних — новгородских и северо-восточных, так и поздних — XV в.), во второй редакции его Жития, в Житии Довмонта Псковского, в памятниках куликовского цикла. Следует отметить корректность выводов и взвешенность оценок. Наконец, в третьей части повествуется о произведениях XVI в. — времени официальной канонизации Александра Невского. Здесь рассмотрены редакции Жития Александра Невского, составленные псковским агиографом Василием-Варлаамом, автором Стеленной книги и вологодским архиепископом Ионой Думиним.

Источниковая база исследования весьма добротна, хотя и традиционна. Житийные тексты, которые подробно рассматриваются в книге, в основном были опубликованы известным финским исследователем В. П. Мансиккой в его ставшем классическим труде². Таким образом, исследование М. Исоха продолжает традицию в изучении фигуры Александра Невского, начатую финским ученым В. П. Мансиккой. В подобном следовании традициям есть свои сильные и слабые стороны. К первым можно отнести обстоятельность в рассмотрении и сопоставлении текстов, чем рецензируемая книга выгодно отличается от труда Ф. Б. Шенка.

При этом в книге М. Исоха, как представляется, имеют место отдельные методологические противоречия. Исследование посвящено изучению образа Александра Невского в древнерусской культуре, рассматриваются же почти исключительно письменные источники. Источники изобразительные явно обойдены вниманием. Такой подход был вполне оправдан в текстологическом труде В. П. Мансикки, но в книге культурологического характера (а именно так можно определить исследование М. Исоха) подобная односторонность выглядит неоправданной, ведь даже сам термин «образ» вызывает ассоциацию, прежде всего, изобразительного характера.

В отношении Александра Невского изобразительные источники дают богатый материал: изображения князя на фресках кремлевских Благовещенского и Архангельского соборов, на иконе «Благословенно воинство Царя Небесного», в миниатюрах Лицевого летописного свода и т. п. Здесь и распознается разное отношение авторов к своему герою, и возникают трудности атрибуции (например, в отношении иконы «Благословенно воинство...»). К тому же существует и литература по этой теме — труды И. А. Шляпкина, Ю. К. Бегунова и др., без сомнения, известные автору рецензируемой книги. Но в книге этих сюжетов нет, о чем нельзя не пожалеть.

² Мансикка В. П. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913.

Другое противоречие можно усмотреть в ограничении хронологических рамок, в результате чего оказались нерассмотренными мероприятия по почитанию Александра Невского в XVII и особенно XVIII веке. В стороне остались и храмы, посвященные Александру Невскому (эта традиция идет, по крайней мере, с конца XVI века), и история почитания мощей святого. Книгу только украсило бы рассмотрение реликвариев — раков, в которых хранились мощи святого князя. Наконец, существуют легенды, связывающие с именем Александра Невского отдельные местности, сооружения и реликвии. Так, можно вспомнить об Александровском монастыре в Суздале, Никольском соборе в Старой Ладозе — по преданию, они основаны Александром Невским.

Чрезвычайно выразительная легенда в XVIII–XIX вв. бытовала в Торопце. Здесь с именем Александра Невского связывали происхождение главной торопецкой святыни — чудотворной иконы Богоматери. Ее будто бы принесла из Пскова невеста Александра Невского, а после венчания, проходившего в Торопце, молодая чета подарила городу эту икону.

Эти и подобные им легенды в большинстве случаев уводят нас в XVIII в., и это не случайно. Именно в XVIII в. образ Александра Невского приобрел общенациональное значение. Лишь в заключительном разделе третьей части монографии «От орудия правящей династии к национальному мифу» отмеченная особенность бегло охарактеризована, но не раскрыта, не проиллюстрирована примерами, как это делается при описании реалий более раннего времени. В данном отношении книга Ф. Б. Шенка, которая описывает процесс формирования образа Александра Невского вплоть до современности, хотя и проигрывает в добротности исследования, но отличается большей стройностью и логичностью композиции.

Особенный акцент М. Исоха делает на первоначальной редакции Жития Александра Невского, выделяя в ней несколько возможных толкований образа Александра Невского: защита границ, интересов княжеской династии, православия. Приводятся многочисленные экскурсы в древнерусскую историю XIII в. и в историографию, что оправдано в книге, адресованной нерусскоязычному читателю. На мой взгляд, умело и профессионально автор работает с цитатами из Священного Писания, ссылками на события и лица мировой и русской истории, которые присутствуют в первоначальной редакции Жития Александра Невского. Не впадая в модную ныне крайность настаивать на первенствующем значении библейских цитат для понимания особенностей содержания средневекового текста, М. Исоха отмечает параллели, которые проводил автор Жития между своим героем и Александром Македонским, а также героем «Девгениева деяния» и др. Несомненную ценность представляют и наблюдения относительно Борисоглебского культа. Действительно, в Житии Александра Невского святые Борис и Глеб выступают в качестве святых воинов, и это, по мнению автора, является новшеством в истории почитания святых, которые изначально воспринимались как страстотерпцы. С такой позицией едва ли можно согласиться. Для домонгольской Руси Борис и Глеб были, видимо, единственными официально канонизированными святыми, которые относились к роду Рюриковичей. Поэтому их весьма почитали в княжеской среде. Учитывая же то обстоятельство, что древнерусские князья были по своей природе прежде всего воинами, то и в своих святых «сродниках» они ценили воинские качества. Вспомним, например, что Андрей Боголюбский имел у себя в ложнице меч св. Бориса, который у него похитили накануне убийства. Связывать же почитание Бориса и Глеба как святых воинов с ростовским княжеским домом

XIII в. и сопоставлять деяния его представителей с биографией Александра Невского, как это делает М. Исоха, по-моему, не следует.

Досадно, что повествование завершается рассмотрением Жития Александра Невского в редакции Ионы Думина, причем фигура автора редакции остается в тени. В творчестве Ионы Думина можно проследить постоянный интерес к фигуре Александра Невского, и составленная им редакция Жития святого князя не является единственным проявлением этого интереса. Есть и другие, правда, не столь значительные случаи. Иона Думин оставил маргиналии на полях рукописи «Миротворного круга» с упоминанием кончины и погребения Александра Невского, в отредактированном Ионой тексте Степенной книги есть неоднократные ссылки на Александра Невского, локализацию погребения его матери и проч. К тому же с творчеством Ионы Думина можно связать написание самой ранней житийной иконы Александра Невского, которая ныне хранится в храме Василия Блаженного. Это икона ярославского письма начала XVII в., т. е. того времени, когда Иона был ростовским митрополитом. Таким образом, Ярославль входил в подведомственную ему епархию.

Весьма интересно объяснение того, почему редакция была составлена именно в 1591 году. М. Исоха указывает на успехи в военных действиях против шведов, которые имели место в этом году. Можно предложить и другое объяснение. По сообщениям летописей, в 1491 г., ровно за сто лет до составления редакции Ионы Думина, во время пожара мощи Александра Невского сгорели. Иона Думин, как видно, не был согласен с такой трактовкой событий. В Синодальном списке Воскресенской летописи, вложенном им во Владимирский Рождественский монастырь, лист с соответствующим известием удален, и на его место вклеены листы с описанием пожара 1491 года, заимствованным из Степенной книги, где сообщается, что мощи святого князя не сгорели, а чудесно спаслись. Отмечу, что редакция Ионы Думина отличается от предыдущих прежде всего обилием чудес, произошедших после 1491 года. Можно предположить, что появление такой редакции в 1591 г. было данью памяти событиям столетней давности. Так Иона отметил юбилей спасения мощей. Правда, следует признать вероятным и мотив, предложенный М. Исоха.

Остались нерассмотренными в книге и редакции Жития Александра Невского, созданные в XVII в. на основе редакции Ионы Думина. Можно было бы также проследить, какое влияние оказала редакция Ионы Думина на другие произведения древнерусской литературы, поскольку популярность этого текста в XVII в. была значительной. Правда, такой экскурс требует основательных археографических разысканий в российских архивохранилищах.

Монография М. Исоха с очевидностью показала, что история формирования образа Александра Невского в русской культуре до настоящего времени должным образом не изучена. Нам известны только вершины этой традиции, и их изучение, даже столь добротное, как в рецензируемой книге, не поможет читателю составить представление о всей картине. И это не вина автора. По-видимому, время обобщающих трудов на данную тему еще не пришло. Не исследовано Житие Александра Невского во всех дошедших до нас редакциях, не выявлены местные традиции почитания святого князя, не известно даже количество реликвий, связанных с почитанием Александра Невского. Только проделав скрупулезную работу по сбору, анализу и публикации материала по почитанию Александра Невского, можно будет перейти к обобщениям. Пока же подобные попытки, как бы качественно они ни были выполнены, неизбежно будут иметь характер предварительных штудий.

И все же М. Исоха с честью вышла из столь сложного положения. Ее книга — ²⁶⁶ *Петровургские славянские и балканские исследования* по-настоящему серьезный вклад в изучение феномена Александра Невского в русской культуре и достойное продолжение традиции, заложенной замечательным финским ученым В. П. Мансиккой.